

Дженни
ДЖЕКСОН

НАСЛЕДНИКИ
• С ПАЙНЭШЛ
СТРИТ •

Перевод
Ульяны Сапциной

роман

МИОО

Дженни Джексон
Наследники с Пайнэппл-стрит
Серия «МИФ Проза»
Серия «Романы МИФ.
На одном дыхании»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69589051

*Дженни Джексон. Наследники с Пайнэппл-стрит: Манн, Иванов и
Фербер; Москва; 2023
ISBN 9785002141036*

Аннотация

Бруклин известен своими легендарными домами из коричневого камня, особенно на так называемых фруктовых улицах. В одном из этих величественных особняков уже несколько поколений живут Стоктоны.

Дарли – старшая дочь – последовала зову сердца, променяв успешную карьеру и фамильные привилегии на материнство. Саша – девушка из среднего класса – вышла замуж за наследника семейства и оказалась в эпицентре незнакомого ей мира. Джорджиана – младшая дочь и фаворитка семьи – столкнулась с суровой реальностью, работая на благотворительность и влюбившись в человека, с которым она не может быть вместе.

Для кого эта книга

Для поклонников семейных саг.

Для тех, кому понравились книги «Безумно богатые азиаты» и «Безумно богатая китайская девушка» Кевина Квана.

Для тех, кто хочет окунуться в атмосферу Бруклина и пройти по «улице богачей».

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Пролог	7
1. Саша	10
2. Джорджиана	32
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дженни Джексон Наследники с Пайнэппл-стрит

Original title:

Pineapple street

by Jenny Jackson

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Copyright © 2023 by Pineapple Street Books LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Посвящается Торри

«Миллениалы будут реципиентами крупнейшего в американской истории перемещения активов между поколениями – Великого перераспределения материальных благ, как называют его в финансовых кругах. Ожидается, что десятки триллионов долларов перейдут от одного поколения к другому в ближайшее десятилетие».

Зоуи Бири, The New York Times

«Я живу в Бруклине. По собственному выбору».
Трумэн Капоте

Пролог

На совещание к десяти часам Кертис Маккой успевал с запасом по времени, поэтому унес свой кофе на столик у окна, чтобы посидеть на бледном апрельском солнце. Началась суббота, в зале «Джо Коффи» было не протолкнуться, в Бруклин-Хайтс всюду кипела жизнь: женщины в велосипедках толкали коляски по Хикс-стрит, собачники собирались у скамеек на Пайнэппл-стрит, целые семьи спешили на футбол, уроки плавания, празднования дней рождения на «Карусели Джейн».

За соседним столиком мать с двумя взрослыми дочерьми попивали кофе из голубых с белым бумажных стаканчиков, уставившись в один и тот же телефон.

– Ой, вот этот как раз! У него в профиле сказано, что он любит бег, сам делает кимчи и «подрывает капитализм».

Кертис старался не слушать, но не мог.

– Дарли, он вдвое старше меня. Нет. Ты вообще понимаешь, как работает это приложение?

Имя «Дарли» показалось Кертису знакомым, но он не мог припомнить, где слышал его. Бруклин-Хайтс тесен, и он, вероятно, встречался с ней в очереди за сэндвичами в «Лассене» или пересекался в тренажерке на Кларк-стрит.

– Ладно, ладно. Так, вот этот заявляет: «Веган мужского пола, ищет коллегу – хранителя Земли. Никогда не ем то,

у чего есть лицо. Кроме богачей».

– С веганами встречаться нельзя. Обувь мерзкая! – вмешалась мать. – Дай-ка сюда телефон! Хм-м... Вифи здесь отвратный.

– Мам, произносится «вайфай».

Кертис рискнул бросить быстрый взгляд на сидящих за соседним столиком. Все три женщины были в белых теннисных костюмах, мать-блондинка в золотых сережках щеголяла впечатляющей коллекцией колец на пальцах, обе дочери были брюнетками: одна рослая и тонкая, с прямыми волосами до плеч, другая более фигуристая, с длинными волнистыми волосами, собранными в свободный узел. Кертис поспешно отвернулся и отломил крошащийся кусочек от булочки с маком.

– «Немоногамный би ищет мамочку-комми, чтоб помогла мне валить патриархат. Набери меня, и го зажигать!» У меня что, insult? – пробормотала мать. – Не понимаю ни слова.

Кертис подавил смешок.

– Мам, дай мне телефон. – Дочь с волнистыми волосами выхватила айфон и бросила в свою сумку.

Кертис вдруг сообразил, что знает ее. Это же Джорджиана Стоктон, вместе с которой он учился в старших классах школы на Генри-стрит десять лет назад. Он думал было поздороваться, но тогда стало бы ясно, что он слышал весь разговор.

– В мое время все было гораздо проще, – сетовала мать

Джорджианы. – Встречались обычно или со своим кавалером на балу дебютанток, или с парнем, с которым брат содействовал по комнате, когда учился в Принстоне.

– Верно, мама, но мое поколение – не какие-нибудь там чудовищно спесивые снобы, – парировала Джорджиана и закатила глаза.

Кертис украдкой улыбнулся. Он без труда мог представить точно такой же разговор с собственной матерью и безуспешные попытки объяснить ей, что он не намерен жениться на дочери ее подруги только потому, что их земельные участки на острове Мартас-Винъярд граничат один с другим. Пока Кертис краем глаза наблюдал за Джорджианой, она вдруг вскочила.

– О нет! Я оставила свой браслет от «Картье» в BMW Лины, а она скоро уезжает к своей бабушке в Саутгемптон!

Джорджиана рывком повесила сумку на плечо, подхватила с пола теннисную ракетку, наскоро чмокнула мать и сестру и ринулась к двери. Пробегая мимо Кертиса, она задела ракеткой его стол, расплескала его кофе, попавший на булочку с маком, и умчалась, оставив его хмуриться ей вслед.

1. Саша

В Сашином доме одна из комнат была порталом в другое временное измерение, а точнее – в 1997 год. Здесь Саша обнаружила компьютер «Аймак» в яйцевидном корпусе из прозрачного голубого пластика, лыжную куртку с пачечкой затвердевших бумажных билетов на подъемники, все еще прикрепленной к застежке-молнии, стопку мятых посадочных самолетных талонов и трубку для курения травки со старой желтой зажигалкой, запрятанную в дальний угол выдвижного ящика. Каждый раз, когда Саша заговаривала с мужем о том, что хотела бы убрать воспоминания своей золовки о старшей школе куда-нибудь в коробку, он закатывал глаза и советовал ей набраться терпения. «Как только у нее появится время, она заберет свой хлам». Но Саша в этом сомневалась, и ей было странно жить в доме, где одна из спален все время стоит закрытой, словно святилище, которое бережно хранят в память о потерянном ребенке.

В хорошие дни Саша охотно признавала, что ей невероятно повезло жить в таком доме. Это массивное, строгого вида четырехэтажное бруклинское здание из известняка с легкостью вместило бы с десяток квартир с одной спальней, вроде тех, где прежде жила Саша. Но в плохие дни Саше казалось, будто ее поместили в капсулу времени в этом доме, где ее муж вырос, никогда отсюда не переезжая, – в доме,

заполненном его воспоминаниями, рассказами о его детстве, но главным образом – барахлом его семьи.

Когда Саша и Корд прожили в этом доме вместе три недели, Саша пригласила родителей мужа на ужин. «Я приготовлю тарталетки с грибами и салат с сыром из козьего молока», – сообщила она в электронном письме. Все утро она раскатывала дрожжевое тесто и даже сходила на модный рынок в Монтегю за зернышками граната, чтобы посыпать ими мелкий молодой латук. Она пропылесосила в столовой, смахнула пыль с книжных шкафов и поставила сансер в холодильник. Свекровь и свекор прибыли, нагруженные тремя холщовыми сумками из «Л. Л. Бин».

– О, не надо было ничего привозить! – расстроено воскликнула Саша.

– Саша! – защebetала ее свекровь, открывая шкаф, чтобы повесить свой жакет букле от «Шанель». – Мы прямо *дождаться* не можем, когда услышим подробный рассказ о вашем медовом месяце!

Сумки она понесла прямым ходом в кухню и вынула из них бутылку белого бургундского, две цветочные композиции в низких вазах, скатерть с рисунком из геральдических лилий и три посуды для выпекания с крышками и фестонами

из «Уильямс Сонома». Выставив все принесенное на кухонный стол, она, чувствуя себя как дома на кухне, служившей ей на протяжении сорока лет, открыла шкаф, чтобы достать для своего вина бокал.

– Я приготовила тарталетки с грибами, – предприняла попытку Саша, вдруг почувствовав себя продавщицей из «Костко» за столом с бесплатными образцами, безуспешно предлагающей попробовать теплые кубики плавленого сыра.

– Видела я в твоём письме, дорогая. Вот и подумала, что намечается ужин на французскую тему. Предупреди меня заранее, за десять минут, и я суну свою заготовку в духовку – там у меня кок-о-вэн. Ещё я прихватила эндивий провансаль, и его так много, что твой салат может и не понадобиться. Подсвечники вон в том ящике, а теперь давай-ка посмотрим, что там с оформлением стола, и я определюсь с тем, что нам ещё нужно.

Из солидарности Корд ел и тарталетки, и салат, но, заметив, с каким вожделием он поглядывает на эндивий, Саша одарила его натянутой улыбкой, означающей «хочешь эту чертову зелень – ешь, но спать будешь на диване».

Эти отношения и договоренности были новыми для каж-

дого из них, и Саша понимала, что понадобится некоторое время, чтобы к ним привыкнуть. Родители Корда, Чип и Тильда, годами сетовали, что дом слишком велик для них двоих, находится слишком далеко от гаража и что им надоело орудовать лопатой, расчищая снег, и таскать мусор для переработки к бордюру. Они входили в число инвесторов многоквартирного дома на расстоянии пары кварталов, бывшего кинотеатра «Бруклин-Хайтс», ныне перестроенного в пять роскошных кондоминиумов, и когда решили занять одну из его двухэтажных квартир, то переехали всего за неделю с помощью одного своего старого «лексуса» и мужа своей экономки, которому заплатили триста баксов. От дома, где они прожили четыре десятилетия, они отказались как-то уж слишком быстро, и Саша так и не смогла понять, что из вещей они увезли с собой на новое место, если не считать одежды. Они оставили в спальне даже свою двуспальную кровать с пологом на четырех столбиках, и Саша испытывала более чем странные чувства, когда ложилась спать.

Стоктоны решили дать Саше и Корду возможность поселиться в их пустующем доме и жить там сколько захочется. А потом, когда-нибудь продав этот дом, они намеревались поделить деньги между Кордом и его двумя сестрами. Были в этих договоренностях и другие пункты, предназначенные для уклонения от уплаты нежелательных налогов на наследство, но Саша делала вид, будто не подозревает о суще-

ствовании подобного документа. Да, Стоктоны позволили ей выйти замуж за их сына, но на некоем глубинном уровне она понимала: ей скорее разрешат зайти к ним в разгар оздоровительного тройничка с партнершей Тильды по бриджу, чем изучать их налоговую отчетность.

Пока Саша и Корд убирали со стола, его родители направились в гостиную выпить после ужина. В углу комнаты стоял сервировочный столик на колесах со старыми бутылками коньяка, который им нравилось пить из крохотных стопок с золотыми ободками. Стопки, как и все остальное в доме, имело свою давнюю историю. В гостиной были длинные портьеры из синего бархата, рояль и кусачий диван на ножках в виде когтистых лап с шарами, некогда входивший в меблировку губернаторского особняка. Однажды Саша сглупила, посидев на этом диване, и заработала такое сильное раздражение с задней стороны ног, что перед сном ей пришлось намазаться каламиновым лосьоном. В вестибюле сохранилась люстра, в гостиной – старинные стоячие часы с таким громким боем, что Саша аж вскрикнула, впервые услышав его, а кабинет украшала громадная картина с кораблем среди зловеще темного океана. В атмосфере дома в целом чувствовалось что-то смутно морское – забавно, ведь находился он в Бруклине, а не где-нибудь в Глостере или на Нантакете, а Чип и Тильда, хотя и проводили порой лето, плавая под парусом, обычно фрахтовали яхту с экипажем. На стеклянной посуде были выгравированы корабельные штурвалы, коври-

ки под приборы украшены парусниками со старинных картин, в ванной висела морская карта в рамке, и даже рисунок на пляжных полотенцах изображал схемы морских узлов. Порой Саша, бродя по дому вечерами, замечала, что проводит ладонью по антикварным рамам и подсвечникам и шепчет: «Задраить люки!» или «Отдраить палубу!», чтобы повеселить себя.

Закончив носить посуду в кухню, Саша и Корд присоединились к его родителям в гостиной, где он налил им обоим по стопке коньяку. Коньяк был вязким, на вкус отдавал лекарством и почему-то напоминал Саше о коротких волосках у нее в носу, но она все равно пила, просто за компанию.

– Ну и как вам здесь, дети? – спросила Тильда, закинув длинные ноги одна на другую. К ужину она переоделась в яркую блузку, юбку-карандаш, тонкие чулки и туфли на трехдюймовых шпильках. Все Стоктоны были довольно рослыми, а на каблуках мать Корда определенно возвышалась над Сашей, и, вздумай кто-нибудь уверять, что это вовсе не акт устрашения, он бы беззастенчиво солгал.

– Нам нравится, – улыбнулась Саша. – Я все думаю: какая же я счастливая, что живу в таком прекрасном и просторном доме.

– Но знаешь, мама, – вступил в разговор Корд, – мы подумываем кое-что здесь переделать.

– Ну разумеется, милый. Дом ведь ваш.

– В самом деле, – подтвердил Чип. – А мы уже устроились

на Ориндж-стрит.

– Это так любезно, – подхватила Саша. – Просто мне показалось, что гардеробная рядом со спальней тесновата, но если мы уберем те встроенные полки в глубине...

– О нет, дорогая, – перебила Тильда. – Убирать их ни в коем случае не надо. Они прямо-таки идеально подходят для всякой всячины – несезонной обуви, головных уборов, особенно с полями, которые лучше не мять. Вы действительно окажете себе плохую услугу, если уберете их.

– А, верно, хорошо, – закивала Саша. – В этом есть смысл.

– Тогда что насчет мебели в этой гостиной? – предпринял еще одну попытку Корд. – Мы могли бы подыскать диван поудобнее, а если бы заменили бархатные шторы, здесь стало бы гораздо светлее.

– Но эти портьеры были сшиты на заказ специально для этой комнаты. Окна здесь попросту огромные, и, если вы снимете портьеры, думаю, вы будете поражены, обнаружив, как трудно подобрать что-то подходящее. – Тильда печально покачала головой, ее волосы блеснули при свете люстры. – Почему бы вам просто не пожить здесь немного, не освоиться на новом месте и не подумать как следует, как можно было бы устроиться с максимальным удобством? Мы так хотим, чтобы вы чувствовали здесь себя как дома. – Она уверенным движением потрепала Сашу по ноге, встала, кивнула мужу и направилась к двери, слегка покачиваясь на каблуках. – Ну, мы, пожалуй, пойдем, спасибо за ужин.

Свои блюда от «Ле Крёзэ» я оставлю здесь, можешь закинуть их в посудомойку. С ними никаких проблем, вручную их мыть не надо, а в следующий раз, когда мы приедем на ужин, я их заберу. Или вы завезете их нам. Вазы можете оставить себе – я заметила, что декор стола у вас скучноват.

Она набросила жакет в тонах слоновой кости и розового с оттенком лаванды, повесила на руку сумочку и повела мужа к двери, вниз по лестнице и обратно в свою свежееобставленную квартиру, в атмосфере которой не было ни намека на море.

Когда Сашу спрашивали, как они с Кордом познакомились, она отвечала: «Да я просто была его психотерапевтом». (Шутка: БАСПы, белые протестанты англо-саксонских кровей, на психотерапию не ходят.) В мире таких сайтов знакомств, как «Матч» и «Тиндер», их встреча выглядела оригинальнее кадрили. Саша сидела у стойки в баре «Табак», потягивая вино из бокала. Ее телефон разрядился, поэтому она взялась за кроссворд в забытой кем-то «Нью-Йорк Таймс». Кроссворд был почти разгадан – результат, к которому она ни разу даже не приблизилась, – и, пока Саша изучала ответы, Корд подошел, чтобы сделать заказ, и разговорился с ней, восхищаясь неожиданным для такой красивой

женщины виртуозным умением разгадывать кроссворды.

Неделю спустя они встретились, чтобы вместе выпить коктейль, и несмотря на то, что «все их отношения построены на лжи» – эта фраза так полюбилась Корду, что он то и дело повторял ее, едва выяснилось, что Саша не в состоянии разгадать полностью даже кроссворд в понедельничном номере, – роман получился практически идеальным.

Да, это был идеальный роман реальной, благополучной пары взрослых людей с традиционным багажом прошлого, независимых, не пренебрегающих спиртным, с хорошим сексуальным аппетитом. Первый совместный год они провели, занимаясь тем же, чем и все нью-йоркские пары в возрасте чуть за тридцать: увлеченно шептались в уголке бара на вечеринках по случаю дней рождения, прилагали колоссальные усилия, бронируя столики в ресторанах, где подавали рамен с яйцом, украдкой проносили в кинотеатры покупки из винных магазинов, прихорашивались, встречались с кем-нибудь за поздним завтраком, а втайне с нетерпением ждали, когда наконец им станет настолько комфортно вдвоем, чтобы все воскресенья напролет просто валяться на диване, жевать сэндвичи с беконом из магазина на нижнем этаже и почитать воскресный «Таймс». Конечно, между ними случались и ссоры. Корд повез Сашу в кемпинг, палатку залило, он высмеял ее за то, что ночью ей было страшно идти одной пописать, и она накричала на него и заявила, что ноги ее больше никогда не будет в Мэне. Лучшая Сашина подру-

га Вара пригласила их на открытие своей выставки, а Корд пропустил его, задержался на работе и даже не понял всю серьезность своей вины. У Корда случился конъюнктивит, и он стал похож на осатаневшего кролика, а Саша дразнила его, пока он не надулся. Но в целом у них была любовь прямо как в сказке.

Саше понадобилось много времени, чтобы обнаружить, что Корд богат, – до неприличия много, с учетом его имени. Его квартира выглядела симпатично, но обычно. Ездил он на совершенной развалюхе. Одежда была ничем не примечательна, вдобавок он совершенно помешался на бережном отношении к своим вещам. Бумажником он пользовался, пока не трескалась кожа, ремни носил те же, которые бабушка покупала ему еще в старших классах, а со своим айфоном носился, как с какими-нибудь кодами запуска ядерного оружия, которые надо хранить в чемоданчике и приковывать наручниками к запястью или как минимум оберегать защитной пленкой на экран и чехлом толщиной с увесистый ломоть хлеба. Должно быть, Саша насмотрелась «Волка с Уолл-стрит», потому что привыкла считать, что богатые нью-йоркские парни зализывают волосы назад и постоянно бутылками покупают выпивку в клубах. А оказалось, что свитера они занашивают до протертых локтей и с матерями поддерживают нездоровые, чрезмерно близкие отношения.

Корд доходил до грани одержимости своей семьей. С отцом он каждый день работал бок о бок, обе его сестры жили

по соседству, и он постоянно ужинал в их компании, по телефону они болтали больше, чем Саше случалось говорить с кем-либо. Ради родителей Корд делал то, что, с ее точки зрения, было невообразимо: ходил стричься вместе с отцом; всякий раз, приобретая новые рубашки, покупал и отцу точно такие же; выбирал на Астор-Плейс французское вино, которое нравилось его матери, и массировал ей ступни так, что Саша была вынуждена покинуть комнату. Ну кто вообще массирует ступни матерям? Всякий раз при виде этого она вспоминала сцену из «Криминального чтива», в которой Джон Траволта приводит сравнение с оральным сексом, и так нервничала, что у нее дергался глаз.

Своих родителей Саша любила, но жизни членов ее семьи были не настолько тесно переплетены. При случае они интересовались ее работой дизайнера графики, разговаривали каждое воскресенье и обменивались эсэмэсками на неделе, и порой, заезжая к родителям в гости, Саша удивлялась, обнаружив, что они поменяли машину и ей ни словом не обмолвились или, как однажды, даже снесли стену между кухней и гостиной.

Сашины золовки были с ней милы. Посылали эсэмэски с поздравлениями в день рождения, не забывали спрашивать о ее семье, одалживали ракетку или теннисный костюм, чтобы на отдыхе она могла сыграть со всеми. Но Саша все равно чувствовала: на каком-то уровне они бы предпочли, чтобы ее не существовало. Когда она рассказывала что-нибудь стар-

шей сестре Корда, Дарли, и в самый разгар рассказа в комнату входил Корд, Дарли просто переставала слушать и начинала о чем-нибудь расспрашивать брата. Младшая сестра Джорджиана только делала вид, будто говорит с кем-то, но, как заметила Саша, ни на минуту не спускала глаз со своих брата и сестры. Эта семья была единым целым, замкнутой системой, проникнуть в которую Саше не стоило и мечтать.

Стоктоны занимались недвижимостью. Поначалу, узнав об этом, Саша еще сильнее удивилась загроможденности их дома. Разве им не полагается жить среди каких-нибудь минималистичных интерьеров мечты, как в «Архитектурном дайджесте»? Но, как выяснилось, продажа отдельных квартир их интересовала гораздо меньше крупномасштабных инвестиций. Деду Корда, Эдварду Кордингтону Стоктону, досталось от его семьи небольшое состояние. В 70-х годах XX века, когда город балансировал на грани банкротства, на эти деньги Стоктон скупал недвижимость в Верхнем Ист-Сайде. Квадратный фут обходился ему в сорок пять долларов. Эта же недвижимость теперь стоила тысячу двести долларов за квадратный фут, и Стоктоны невероятно разбогатели. Сын Эдварда и отец Корда, Чип, занялся покупкой недвижимости вдоль береговой линии Бруклина, в рай-

онах Дамбо и Бруклин-Хайтс. В 2016 году, когда «Свидетели Иеговы» решили вывести средства из своей недвижимости, расположенной в Бруклин-Хайтс, Стоктоны быстро сориентировались и присоединились к группе инвесторов, которая приобрела знаменитый Уочтауэр-билдинг и отель «Стэндиш-Армз». Эдвард Кордингтон скончался, но к тому времени с отцом уже работал Корд – представитель третьего поколения Стоктонов, занятый опять-таки в сфере нью-йоркской недвижимости.

Удивительно, но семья Стоктонов предпочитала жить в районе так называемых «фруктовых улиц» Бруклин-Хайтс – трех небольших кварталах между Пайнэппл, Ориндж и Крэнберри-стрит на высоком берегу над набережной. При всех своих вложениях в перестройку старых зданий под новые элитные кондоминиумы, дом для себя они выбрали в квартале, в облик которого городская Комиссия по сохранению достопримечательностей категорически запретила вносить любые существенные изменения. Таблички на домах по соседству указывали, что они построены в 1820 или 1824 году. Здесь попадались совсем маленькие строения, обшитые досками внахлест, и зеленые садики за чугунными калитками. Встречались бывшие конюшни и каретники. Даже аптека «Си-Ви-Эс» выглядела как в какой-нибудь английской деревушке, и ее каменные стены были увиты плющом. Саше особенно полюбился дом на углу Хикс и Мидда-стрит – бывшая аптека, где плиткой у входа было

выложено «DRUGS»¹.

Родословная Корда с материнской стороны была, пожалуй, еще элитнее. Тильда Стоктон, урожденная Мур, происходила из длинного рода высокопоставленных политиков. И ее отец, и брат занимали пост губернатора штата Нью-Йорк, о самой Тильде писали в посвященных семье статьях, опубликованных в «Вог» и «Вэнити Фэйр». В двадцать один год она вышла замуж за Чипа Стоктона и, хотя у нее никогда не было обычной работы с девяти до пяти, завоевала репутацию безумно эффективного ивент-консультанта, главным образом обеспечивая связь своих богатых светских друзей со своими же любимыми организаторами мероприятий. С точки зрения Тильды Стоктон, любому вечеру недоставало полноты без концепции, темы, оформления стола и предписанной формы одежды. От всего этого Саше хотелось спрятаться под стопкой коктейльных салфеток с монограммами.

Несколько месяцев после свадьбы Саша провела в попытках освоиться в своем новом доме на Пайнэппл-стрит. И постановила, что она археолог, изучающий древние цивили-

---

¹ И лекарства, и наркотики (англ). Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.

зации родственников со стороны мужа. Но вместо гробницы Тутанхамона она нашла пепельницу, сделанную Дарли в шестом классе и похожую на кривой гриб. Вместо свитков Мертвого моря ей попала написанная Кордом в младших классах работа по естествознанию, рассказывающая о разновидностях шишек. А вместо терракотовой армии она обнаружила полный ящик бесплатных зубных щеток от дантиста с Атлантик-авеню.

Из четырех спален самой захлавленной выглядела комната Дарли, но и остальные нельзя было назвать пустыми. Прежнюю комнату Корда освободили, когда он уехал на учебу, но в ней по-прежнему размещались серебряный позолоченный канделябр, комплект китайских напольных ваз и десяток картин в рамах – произведения искусства, которые семья покупала годами, но так и не нашла места, где бы их повесить. В комнате Джорджианы до сих пор хранились все ее учебники университетских времен, фотоальбомы и целая полка теннисных призов, а в самой большой из спален, откуда вынесли одежду и украшения, мебель и декор остались от прежних хозяев, и Саша с невероятным трудом достигала оргазма, слыша, как бьется о стену изголовье красного дерева, вероятно принадлежавшее какому-нибудь конгрессмену или министру транспорта.

Втискивая свои пустые чемоданы в уже забитые стенные шкафы, она гадала, позволят ли ей заменить шторку в ванной. И решила повременить несколько месяцев.

Чип и Тильда надумали устроить вечеринку по случаю новоселья в своей новой квартире на Ориндж-стрит и попросили своих детей с супругами прийти пораньше. Вечеринку назначили на вечер среды, потому что большинство их друзей проводили выходные в загородных домах и некоторые уезжали туда уже в четверг вечером. В городе светская жизнь Стоктонов-родителей продолжалась лишь с понедельника по среду, пока их друзья не разбегались по отдаленным уголкам Лонг-Айленда и округа Литчфилд.

– Как я должна одеться? – спросила Саша Корда, стоя перед шкафом. Собираясь к его родным, она никогда не знала, какую одежду выбрать. Казалось, что существует некий мудборд – «доска настроений», с которой сверяются остальные, но от Саши ее видение всякий раз ускользало.

– Одевайся как хочешь, детка, – ничем не помог ей Корд.

– Значит, и в джинсы можно?

– Ну, лично я бы *джинсы* надевать не стал. – Он нахмурился.

– Ясно, значит, надо надеть платье? – раздраженно уточнила Саша.

– Слушай, мама же сказала, что тема вечеринки – «Всё выше и дальше».

– Я не понимаю, что это значит.

– Я просто оденусь так же, как на работу. Уверен, большинство гостей сделает то же самое.

Корд ходил на работу в костюме с галстуком, имевшем такое же отношение к Сашиной жизни, как роба хирурга или комбинезон пожарного. Озадаченная, она решила перестраховаться и выбрала симпатичную белую блузку, небрежно заправив ее в темно-синие брюки, и маленькие сережки с бриллиантами, подаренные ей матерью в честь окончания учебы. Накрасила губы, оглядела себя в старое зеркало над камином и улыбнулась. Полное ощущение классического образа, вылитая Амаль Клуни, выходящая из здания ООН, чтобы поужинать с Джорджем. И впрямь всё выше и дальше.

Когда они вошли в квартиру, сестры Корда уже были там: длинные каштановые волосы Джорджианы, которая выглядела прекрасно и богемно, ниспадали ей на спину, подол струящегося платья плескался у щиколоток, на носу выпали веснушки, а на Дарли был комбинезон с ремешком из итальянского выпуска «Вог». Муж Дарли, Малкольм, стоял рядом с ней, и Саша при виде его вздохнула с облегчением. Она с самого начала угадала в Малкольме союзника в этом чуждом мире, где они породнились посредством браков, и у них даже было кодовое слово, которое они произносили невнятно, удивляясь какой-нибудь странности, – НМС. Это означало «не моя семья» и оправдывало их в любой

ситуации, где они чувствовали себя сторонними свидетелями вычурных обрядов белых людей, – к примеру, как когда в июле Стоктоны во время семейной фотосессии для рождественских открыток оделись во все голубое и белое и встали полукругом за Чипом и Тильдой, сидящими на двух стульях. Фотограф командовал ими почти час, солнце припекало, экономка Берта сновала туда-сюда, устанавливая гриль, садовник поливал растения, старательно избегая зрительного контакта. Саше казалось, что она попала в семью Ромни², происходящее виделось ей совершенно унижительным, но, по крайней мере, она могла обменяться страдальческими взглядами с Малкольмом. Оба они чувствовали себя студентами-иностранцами, которых объединило понимание, что они очутились в чрезвычайно странном месте.

К вечеринке по случаю новоселья Берта готовилась целый день, и стол в столовой ломился под тяжестью серебряных блюд с креветками на льду, ростбифа на круглых и хрустящих тостах «мельба», копченого лосося на треугольных гренках и крохотных, на один укус, крабовых котлеток. Белое вино она разлила по бокалам и расставила их на подносе у самого входа, чтобы гости могли выпить сразу же после прибытия. Красное вино было явно под запретом, главным образом из-за новых ковров, но еще и потому, что от красно-

---

² Уиллард Митт Ромни – американский политик, губернатор Массачусетса. Кандидат в президенты США на выборах 2012 года от Республиканской партии. *Прим. ред.*

го зубы выглядят кошмарно. Тильда была одержима белизной зубов.

Начали прибывать гости, многих из которых Саша знала еще по своей свадьбе. Стоктоны созвали на свадьбу много друзей, Саша только и делала, что пожимала руки и пыталась запомнить имена, и прервалась, лишь когда кузены вытащили ее на танцпол, встряхнуться под Baby Got Back. Празднование получилось изысканным.

Корд знал всех присутствующих и вскоре удалился в кабинет, показывать какому-то лысому джентльмену отцовскую коллекцию часов. Среди них были редкие военные часы, несколько винтажных «патек», несколько «ролексов» с матированными и позолоченными циферблатами, доставшихся в наследство от деда Корда. Ценность этих часов была настолько велика, что разные аукционные дома обращались к Чипу с предложениями купить их, но он отказывался. Сам он никогда не прикасался к часам и даже не смотрел на них, но Корд говорил, что Чипу нравится осознавать, что у него при себе в квартире всегда есть живые деньги, вроде пачек купюр, спрятанных под матрасом. (Саша втайне считала, что это может иметь непосредственное отношение к нежеланию семьи ее мужа расставаться с хламом.)

Джорджиана устроилась на диване, перешептываясь со своей крестной, Дарли и Малкольм собрали вокруг себя группу из теннисного клуба на Монтегю-стрит и показывали гостям снимки детей на айфоне. Джорджиана часто казалась

мило растрепанной в куртке, наброшенной на плечи, и с запястьями, унизанными разномастными бисерными браслетами, но Дарли обычно выглядела безукоризненно и дорого: каштановые волосы подрезаны до плеч, макияж едва заметен, единственные украшения – маленькие золотые часы и обручальные кольца. Саша неловко мялась на периферии, не представляя, как вступить в разговор. И вздохнула с облегчением, когда какая-то женщина с похожей на шлем белокурой стрижкой направилась напрямик к ней и широко улыбнулась.

– Привет, мне бы еще шардоне, большое спасибо, – произнесла незнакомка, протягивая ей бокал с жирными следами пальцев.

– Я Саша, – со смехом ответила она, прикладывая ладонь к груди.

– Благодарю вас, Саша, – жизнерадостно отозвалась женщина.

– О да, конечно, – спохватилась Саша, унесла бокал на кухню, наполнила его, взяв бутылку из холодильника, и принесла обратно в столовую, где незнакомка забрала бокал, шепотом поблагодарила и отошла к столу, где ее муж ел ростбиф. Пока Саша шла через гостиную, разыскивая Корда, ее перехватил толстяк в галстук-бабочке, вручил ей свою грязную тарелку, коротко кивнул и возобновил разговор. Смутившись, Саша отнесла его тарелку на кухню и оставила на столе. Нечто подобное случилось еще четыре раза,

прежде чем Саша наконец нашла Корда и больше не отходила от него, не выпуская из рук свой бокал с вином и считая минуты до того момента, когда сможет уйти домой. Неужели все они нюхом чуяли, что она вовсе не голубых кровей? И от ее волос так и разит бесплатной школой, как если бы она целый день возилась со сковородами, брызжащими маслом? Она позволила себе окинуть взглядом комнату, присмотреться к женщинам вокруг нее. Они казались стайкой холеных пудельков, а она чувствовала себя рядом с ними морской свинкой, трясущейся от нервозности.

Наконец гости разошлись, Чип увел Корда к себе в кабинет, показать какую-то вырезку из «Джорнала». (Чип и Тильда до сих пор собирали вырезки, а не пересылали ссылки, как все.)

– Весело тебе было? – спросила Дарли, закладывая блестящую прядь волос за ухо.

– Да, все было очень мило, – рискнула ответить Саша.

– Да уж, приятный способ провести вечер, – иронически усмехнулась Дарли, – в кругу стариков, с которыми даже не знакома.

– Только вот смешно вышло, – призналась Саша. – Мне то и дело отдавали грязные тарелки. Ничего страшного, конечно, но ведь тебе тарелок не отдавали, верно?

– О! – Дарли рассмеялась. – Забавно! А я и не заметила, что ты одета в точности как Берта! Должно быть, все решили, что ты из банкетной службы – черт! Малкольм! – И она

подозвала мужа, чтобы рассказать ему о случившемся.

Все засмеялись, Корд подошел помассировать ей плечи, намекая, что и ей стоит присоединиться к веселью, и Саша подыграла ему, твердо решив, что на вечеринки у Стоктонов белую блузку больше не наденет никогда в жизни.

2. Джорджиана

У Джорджианы имелась проблема, и связана она была преимущественно с ее предательскими щеками. Она всегда легко краснела, а в последнее время казалось, будто она превращается в некоего персонажа из научной фантастики, выражающего эмоции исключительно кожей.

То, что долгие годы было ее очаровательной чертой, превратилось в помеху для карьеры теперь, когда у Джорджианы появилась и настоящая работа и, в довершение всех проблем, грандиозное, безумное, дурацкое и унижительное увлечение. Его звали Брэди, на совещаниях Джорджиана на него даже не глядела. Они почти не разговаривали – он был старше ее, немного за тридцать, вдобавок руководил проектом и не имел причин обращать внимание на маленькую краснеющую сотрудницу, которая при встречах упорно смотрела в пол, но всякий раз, когда Джорджиана встречалась с ним в коридорах, сидела в конференц-зале или сталкивалась у ксерокса, ей приходилось отводить глаза, будто он был солнечным затмением и ей требовались стрелные картонные очки.

Они работали в некоммерческой организации, располагавшейся в старинном особняке на Коламбия-плейс, планировка которого все еще напоминала жилище. По пути к своему письменному столу Джорджиана проходила через кра-

сивый вестибюль, где их администратор Дениз занимала место за массивной стойкой красного дерева, потом поднималась по витой лестнице, шла через роскошную комнату, которой пользовались как конференц-залом и кафетерием, затем через просторную спальню, где четыре стола были выделены для отдела заявок на получение грантов, и наконец сворачивала в крохотный закуток, где, вероятно, когда-то обитала горничная или кормилица. Сотрудники теснились в офисе, как сардины в банке, но это было на удивление очаровательно. В маленьком кабинете Джорджианы, рассчитанном на двоих, большое окно выходило на запад и Променад за Ист-Ривер. Ванные комнаты, рассеянные по всему особняку, были украшены картами регионов, где присутствовала организация, а над принтером вместе с инструкциями по замене тонера висел в позолоченной рамке портрет какой-то герцогини, берущей урок игры на арфе.

Особняк принадлежал основателю организации, наследнику фармацевтической империи и ее состояния. В юности он объездил весь мир, обнаружил, что в развивающихся странах острая нехватка медицинской помощи, и учредил некоммерческую организацию для того, чтобы учить местных строить жизнеспособные системы здравоохранения. Работали они в основном за счет грантов из таких источников, как Фонд Гейтсов и Всемирный банк, а также от нескольких богатых частных финансистов. В отделе коммуникации задача Джорджианы заключалась в том, чтобы заискивать и вы-

служиваться перед грантодателями, отбирать снимки, сделанные во время работы за границей, для сайта организации, редактировать статьи о проектах для информационного бюллетеня и вести аккаунты организации в социальных сетях. Не то чтобы она особо интересовалась социальными сетями: просто, поскольку она еще не достигла тридцати лет, все считали, что она увлечена этими сетями, вдобавок получить работу ей помогло небрежное упоминание, что у нее тысяча восьмьсот подписчиков в Инстаграме. (А у кого их нет? Всего-то и надо только убрать настройки приватности и время от времени постить фотки, сделанные на вечеринках с симпатичными подружками.)

Но в этом и состояло главное различие между Джорджианой и Брэди: она относилась к младшему обслуживающему персоналу, выполняла роль девочки-фанатки на поле, восторгаясь успехами организации и расписывая эти успехи в информационном бюллетене, в то время как Брэди находился в эпицентре активных действий. Он ездил то в Афганистан, то в Уганду, фигурировал на снимках, над которыми корпела Джорджиана, беседовал с группой врачей в только что сооруженной из подручных материалов больнице, гонял мяч с прелестными детишками на фоне плаката с информацией о прививках, заглядывал в глаза безвестному индийскому врачу, обсуждая с ним планы распространения средств контрацепции. Он был звездой постановки, а она красила декорации, отчаянно желая, чтобы он ее заметил,

и в то же время с ужасом ожидая этого момента, уверенная, что ее щеки вспыхнут огнем.

Была пятница, и Джорджиана, стоя под лестницей возле почтовых ящиков, разбирала конверты по адресу получателя – местные в один контейнер, международные в другой. Сортируя их, она еще раз проверяла каждый адрес, убеждаясь, что он выглядит как надо, – она обновила их контакты таким образом, что осуществлять огромные рассылки они теперь могли, не вводя каждый адрес отдельно, но этой системе все равно недоставало совершенства. Она как раз озадаченно задумалась над конвертом, забылась и вздрогнула от неожиданно прозвучавшего рядом голоса:

– Вы в порядке?

Это был Брэди. Он наклонился рядом с ней, чтобы забрать почту из ящика с его фамилией.

– Да, просто пыталась сообразить, верно ли указан этот адрес. – Джорджиана протянула письмо, чтобы и он увидел. Они стояли так близко, что она могла бы поцеловать его, если бы стремительно подалась вперед. *«Господи боже мой, но зачем мне красть поцелуй у этого человека?»* На краткое время она возненавидела собственный разум.

– Вроде бы выглядит нормально. А в чем проблема? –

спросил Брэди.

– Да, но местное это письмо или международное? На нем не указана страна, – смущенно пояснила Джорджиана.

– «Объединенные Арабские Эмираты», – медленно прочел Брэди, указывая на нижнюю строчку адреса. Что это, неужели конверт дрожит? Джорджиане показалось, что прямо трясется.

– Правильно, но разве дальше не должна значиться страна? – спросила она.

– Объединенные Арабские Эмираты и есть страна.

– О, я просто... – Джорджиана осеклась.

– Ну как же, на Аравийском полуострове, рядом с Саудовской Аравией и Оманом?

– Ага. – Джорджиана была готова поклясться, что никогда в жизни о таких не слышала.

– Один из крупных городов – Дубай.

– А, да, там еще «Пальмовые острова», которые видно из космоса. – Джорджиана усердно закивала. Дубай она знала. – И торговые центры, и спортивные автомобили.

– Ага. Но мы пытаемся предоставлять медицинские услуги не там.

– Верно, верно, нет-нет, – согласилась Джорджиана. Существует ли более надежный способ показаться полной идиоткой? В этом она сомневалась.

– Словом, конверт можно отправлять. – Брэди улыбался – а может, насмеялся? – потом коротко кивнул и отошел, за-

брав свою почту.

Джорджиана кинула конверт в контейнер с международной почтой и пощупала щеку. Пылает.

В тот вечер Джорджиана ездила на день рождения в Уильямсберг и в субботу утром проснулась с похмельем такой остроты, что оно ощущалось даже в зубах. Она послала Лине ряд эмодзи с черепашками, а Лина в ответ позвала ее к себе. Кристин уже была там, они разложили выдвижной диван в гостиной у Лины, чтобы поправляться вместе в горизонтальном положении. Потом заказали в «Уэствилле» горячие сэндвичи с сыром, картошку фри и луковые колечки на гарнир, потому что, хотя и утверждали, что луковые колечки не очень-то и любят, почему бы не съесть немного, раз уж они на смертном одре. Они смотрели ссоры богачек на «Браво», а в три, когда из тренажерки пришел парень Лины, он чуть не лопнул со смеху, глядя на них, валяющихся рядом, как алкашки, под завязку налитые водкой.

Джорджиана обожала выходить куда-нибудь в люди, но лучше всего бывали похмельные дни в компании Лины и Кристин. Иногда они шли в кино, засыпали там и пропускали весь показ, иногда решали выгнать похмелье вместе с потом, отправлялись в класс хореографии и целый час

бранились и стонали под злобными взглядами инструкторов, а иногда сдавались и во время ужина на Кларк-стрит заказывали «Кровавые Мэри», приговаривая «клин клином, клин клином», пока не напивались опять, не доплетались до дома и не засыпали.

Джорджиана, Лина и Кристин вместе учились в старших классах и всем клялись, что, когда вырастут, будут жить в одной большой квартире. В итоге соседками по квартире они так и не стали, но жили в одном и том же районе, и, как выяснилось, иметь три разные квартиры, чтобы было где потусить, оправляясь от похмелья, намного лучше. Лина работала ассистенткой богача с хедж-фондом, который так ее любил, что готов был переплачивать в обмен на обещание никогда не уходить. Не о такой карьере с заказами авиабилетов и бронированием столиков в ресторанах Лина мечтала, получив диплом искусствоведа, но она зарабатывала в три раза больше, чем ей предлагали в «Кристис», поэтому осталась. Начальник регулярно переводил свои бонусные мили на ее аккаунт, и с такими темпами пополнения ей никогда больше не придется летать экономом, что казалось вполне справедливой платой за утраченные мечты. Кристин работала в техническом стартапе и в целом терпеть его не могла, зато ей никогда не приходилось ходить за продуктами благодаря возможности завтракать и обедать в кафетерии на работе и заодно прихватывать оттуда салат с семгой гриль, чтобы поужинать дома. Поскольку подружки куда-нибудь выбирались пять

вечеров в неделю, Кристин вечно таскала с собой контейнер с едой из бара в бар, а подруги нещадно дразнили ее за то, что она, словно какая-нибудь чудачка, способна сервировать обед из пяти блюд в баре «У Шарлин» на Флэтбуш-авеню.

Пока они валялись на разложенном диване со своими луковыми колечками, Джорджиана рассказала подругам о том, как опозорилась перед Брэди у почтовых ящиков. Они уже слишком много времени потратили на обсуждение предмета ее увлечения, поэтому, хотя эта история ей казалось наименее впечатляющей из всех рассказанных за это время, Джорджиана считала своим долгом сообщить подругам о том, что между ней и Брэди в самом деле что-то произошло.

– Джордж, какого черта ты не знала, что ОАЭ – это страна? – спросила Лина, усаживаясь и безнадежно глядя на подругу.

– Ну, я вообще-то не *знаток* страноведения! Я специализировалась на русской литературе! – попыталась оправдаться Джорджиана.

– Плохо дело, дружище, – согласилась Кристин. – Но он хотя бы говорил с тобой? В смысле, предложил помощь, так что это хороший признак.

Она пыталась оказать поддержку, но Джорджиана ничем их не обнадежила и понимала это. Остаток дня они провели, обсуждая, как она могла бы реабилитироваться в глазах Брэди, и предлагая всевозможные завязки для разговора – от нудных до нелепых: «А вы знали, что черта бедно-

сти в ОАЭ проходит на уровне двадцати двух долларов в сутки?»; «Я слышала, что в Эмиратах соколиная охота пользуется большой популярностью»; «А это правда, что у авиакомпании “Эмирейтс” лучшие бесплатные пижамы в первом классе?». В подобных делах ее подруги были, в общем-то, бесполезны, но Джорджиане нравилось, как они, сговариваясь, постоянно повторяли имя Брэди.

Джорджиана не могла утверждать наверняка, но после того случая у нее возникло ощущение, будто она чаще видится с Брэди: замечает его за собой в очереди к кофейной тележке и быстро машет рукой, пробегает мимо по пути в библиотеку как раз в ту минуту, когда он выходит с совещания. Обычно он обедал с двумя другими руководителями проектов с первого этажа, и она подслушала, как они обсуждают футбольную премьер-лигу и чей-то проект домашней пивоварни. У них в офисе было не принято есть за письменными столами; обычно сотрудники приносили еду из дома или выбегали за салатом или сэндвичем и съедали все это за большим столом у лестницы на втором этаже, и Джорджиана раньше никогда не задумывалась, с кем рядом сядет за обедом. Иногда она читала что-нибудь с телефона или листала журнал, доедая остатки жареного риса или ломоть пиццы,

иногда болтала с тем, кто оказался с ней по соседству. Когда однажды днем напротив нее за стол сели Брэди и один из его друзей с первого этажа, она жевала салат и читала на телефоне сайт ESPN. Они поздоровались, она продолжала просматривать новости, совершенно утратив способность сосредоточиться на словах, мелькающих перед глазами, но отчаянно стараясь выглядеть занятой.

– Какие планы на выходные? – заговорил Брэди, разворачивая сэндвич и открывая банку сельтерской.

– Едем в Филли к родным жены, – ответил его друг. – А у тебя?

– Вроде бы друзья по универу будут в городе, так что субботний вечер проведем в баре «Лонг-Айленд», – ответил Брэди и откусил сэндвич. Джорджиана подняла на него глаза, он заметил это и улыбнулся. Неужели он сказал про бар в расчете на нее? Захотел, чтобы она пришла туда и встретилась с ним? Нет. Ей померещилось. Он просто разговаривал с другом о планах на выходные, как обычный человек, а она случайно оказалась рядом, вот он и улыбнулся ей, потому что он не псих и не полный мизантроп.

Она промокнула уголки губ бумажной салфеткой, закрыла остатки салата крышкой, проямлила «пока, ребята» и вернулась за свой стол. Просто не смогла сидеть там и делать вид, что ест. Сама близость Брэди вызывала у нее такое чувство, будто она залпом выпила девять порций эспрессо и теперь у нее трясутся руки.

Дать однозначную оценку ситуации Лина и Кристин не смогли. Что это было: он просто болтал с другом или же хотел встретиться с ней? Так или иначе, она живет в Хайтс, иногда заходит в бар «Лонг-Айленд» на Атлантик-авеню, так что ничего странного, если она окажется там в то же время. В субботу вечером она тщательно оделась, лишних десять минут потратила на сушку волос и выбрала ботинки, которые натирали ей пальцы, но классно смотрелись с джинсами. Лина, Кристин и их подруга Мишель отправились в бар вместе с ней. Они прибыли туда в восемь и заказали текилу с содовой, но к тому времени, как допили, Брэди так и не появился. Кристин и Мишель ушли на другую вечеринку, которую не хотели пропустить, а Джорджиана с Линой задержались. Они заказали еще выпить, посплетничали о сестре Лины, помолвленной с самым нудным мужчиной на свете, потом об учительнице из их школы, которая сбежала с тренером по сквошу, и о матери Джорджианы, которая отказывалась отбеливать зубы, считая, что это для нее вредно, но теперь дома пила красное вино только через соломинку, чтобы не темнели зубы, в итоге пила вдвое быстрее и вдвое больше, что оказалось еще вреднее для здоровья. К полуночи Брэди так и не появился, поэтому они ушли и расстались на углу

улицы, обнявшись на прощание. Джорджиана вошла в квартиру, салфетками стерла тщательный макияж и плюхнулась в постель в старой баскетбольной футболке. Самой себе она казалась одинокой и жалкой, но знала, что повсюду в городе есть девчонки, которые, подобно ей, провели вечер субботы в ожидании чего-нибудь – потягивали напитки, читали дешевые издания в кофейне, без конца листали сайты на телефонах, – коротали в одиночестве время, пока не начнется настоящая жизнь.

Утром Джорджиана оделась в белый теннисный костюм и встретила с матерью в «Казино», их клубе на Монтегю-стрит. Они играли час, и ей казалось, что с каждым взмахом ракеткой в ней разрастается досада. Джорджиана по праву считалась сильным противником, умела бить резко и брала уроки с четырех лет, но ее мать была непробиваема. В свои почти семьдесят мать работала ногами так умело, что ей почти не приходилось бегать; ее удары отличала не сила, а точность, и форма была такой безупречной, что она загоняла Джорджиану, вынужденную носиться за мячом по всему корту. Игра в теннис всегда была и оставалась наиболее прямым средством коммуникации между Джорджианой и ее матерью. Разговаривать с Тильдой было непросто, она принадлежала к поколению, пренебрегающему трудными разговорами, и при малейшем намеке на конфликт или недоразумение замыкалась в себе. Когда Джорджиана была подростком, ее бесило, что все ее по-

пытки к сближению встречают ледяным холодом. Но теннис их спасал. Когда они не могли разговаривать, они играли. Мать подбадривала ее, хвалила ее лучшие удары, давала стратегические подсказки и восхищалась ее подвижностью. В те годы, когда Джорджиана не знала, действительно ли мать ее любит, она была уверена, что, по крайней мере, та одобряет ее игру.

В альтернативной вселенной они после тенниса отправились бы обмениваться сплетнями за завтраком, и Джорджиана призналась бы в своем унижительном ожидании в баре «Лонг-Айленд». Она рассказала бы матери о Брэди все, что могла, – с каким уважением смотрят на него другие руководители проектов, как она готова поклясться, что временами чувствует на себе его взгляд, насколько сильно она увлечена им, что он ей постоянно снится и она просыпается с трепетом оттого, что была с ним, и в то же время чувством опустошенности оттого, что это случилось лишь во сне. Но вместо этого она застегнула молнию на чехле с ракеткой, вышла вслед за матерью в большие вращающиеся двери «Казино» и направилась по Генри-стрит к новой квартире родителей, где мать предложила ей обед, приготовленный Бертой и поданный на ее любимом фарфоре в цветочек, с салфетками в тон, и, пока они ели, смотрела в газету и молчала, разве что изредка зачитывала вслух что-нибудь интересное.

Странно было видеть родителей в их новом жилище. В доме на Пайнэппл-стрит Джорджиана жила с младенчества,

и каждый предмет мебелировки, каждая царапина на деревянной балясине, каждое пятнышко на гранитных кухонных столах казались неотъемлемой частью ее семьи, будто сам дом просочился в их ДНК и они, в свою очередь, проникли в него. Они созданы, чтобы жить в продуваемом сквозняками старом доме из известняка, чтобы скрипеть и стареть вместе со своим антиквариатом, и видеть маму с отцом расхаживающими вокруг глянцевого мраморного стола-островка на кухне иногда было так же дико, как смотреть на Бена Франклина, играющего на «Нинтендо свитч».

Еще более странным, чем видеть родителей в их новой квартире, Джорджиане казалось думать о том, что в доме ее детства живет молодая жена Корда. Поначалу Джорджиана ничего не имела против Саши, но потом случилось два события, которые поставили крест на теплых и приятных отношениях с золовкой. Первое произошло за месяц до свадьбы Корда, когда он явился к Дарли домой пьяный, с опухшими глазами, потому что Саша отказалась подписать добрачное соглашение, ушла из его квартиры и не возвращалась. В какой-то момент неделю спустя Саша вновь появилась. Корд больше не желал об этом говорить, и ни Джорджиана, ни Дарли не знали подробностей. Второе событие имело место в ночь свадьбы. Джорджиана и Дарли вместе со всеми гостями помоложе отправились после торжества в бар на Стоун-стрит. Двоюродный брат Саши, Сэм, весь вечер вел себя совершенно развязно. Поймав Джорджиану в конце стойки,

он напрямик спросил, насколько упакована ее семья.

– Что? – отозвалась Джорджиана, смеясь и не веря своим ушам.

– У этого вашего малого, Корда, денег точно дохрена. Только послушать, как вы говорите, и поглядеть на все эти клубы. Видно было, что Саша выскочит за богатенького. Она изменилась с тех пор, как перебралась в Нью-Йорк. И вот на тебе, спуталась с республиканцем из частной школы.

– Корд не принадлежит ни к какой партии, – возразила Джорджиана, словно это отменяло все сказанное Сэмом. Но когда она думала об этом случае и вспоминала переговоры Саши по поводу добрачного соглашения, это выводило ее из себя. И вот теперь Саша жила в доме Джорджианы.

Несмотря на воскресенье, отец Джорджианы работал во второй спальне, где устроил себе кабинет. Закончив есть, она заварила чашку английского чая с молоком и двумя полными ложками сахара и негромко постучалась к нему. Ее отец читал старый, пожелтевший номер «Уолл-стрит джорнал», глядя в лупу; его очки лежали рядом на столе. Джорджиана поставила чай возле отцовского локтя и поцеловала отца в щеку.

Ей нравилось думать, что с отцом ее связывают особенные отношения. Если разница в возрасте между Дарли и Кордом составляла всего два года и они были лучшими друзьями, Джорджиану от них отделяло десять лет. (Джорджиана дразнила их «престарелыми миллениалами», в то время как она родилась на рубеже поколения Z.) Она была как будто единственным ребенком в семье, Дарли и Корд уехали учиться к тому времени, как она перешла в третий класс, и, поскольку ее родители знали, что она – их последний ребенок (всякий раз, заявляя об этом, Тильда изображала зловеще щелкающие ножницы), с ней нянчились, ее баловали и старались делать все то, чего из-за занятости не успевали с другими детьми, пока те были маленькими: в десять лет свозили ее в Париж, по будним вечерам брали ее с собой в ресторан ужинать, старались бывать на всех ее школьных и университетских турнирах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.